

Андрей Львович Ливадный

Шаг к звездам

Аннотация

Взрывное развитие кибернетических технологий делает появление искусственного интеллекта попросту неизбежным. Кажется что создание разумных роботов – вопрос ближайшего будущего. Но для Антона Извалова, чья молодость была опалена войной в горах Кавказа, это будущее уже наступило. Оказавшись не по своей воле в других горах – афганских, он встретил там боевых андроидов из секретных лабораторий Пентагона...

От автора

Мы, несомненно, движемся вперед. Двадцатый век стал достоянием истории, но, обращая взгляд в будущее,

нельзя не оглядываться вокруг, ведь большинство истоков грядущих событий – дело рук наших современников.

Мир, к сожалению, не стал чище. На общем фоне стремительно развивающихся технологий, где явными фаворитами выглядят кибернетика и телекоммуникации, не видно признаков приближающейся Утопии.

Что день грядущий нам готовит? Золотой век цивилизации явно остается мифом – население растет, а прорыва в освоении космоса нет, энтузиазм и амбициозные потенции начала космической эры, позволившие человеку достичь Луны, канули в лету, – после падения «железного занавеса», когда «де юре» закончилась холодная война, их подменила деловая активность, связанная с эксплуатацией

космической техники в коммерческих целях.

Конечно, можно возразить, что существуют государственные программы изучения и освоения космоса, готовится экспедиция на Марс, по-прежнему работают обсерватории и научно-исследовательские институты, но все выше перечисленное – удел нескольких десятков тысяч человек. А что станет с остальным населением земного шара в недалеком будущем?

Темпы развития компьютерных технологий далеко опережают все остальные направления общечеловеческого развития. По эмпирическому выводу господина Мура ¹ несложно предсказать, что в

¹ Закон Мура – приблизительное удвоение количества транзисторов на новых кристаллах микропроцессоров каждые восемнадцать месяцев, из чего следует эмпирический вывод: где-то между 2015–2035 годами вычислительная мощность отдельных компьютеров сравняется с «сырой» мощностью человеческого мозга. (По предварительным оценкам быстроедействие человеческого мозга составляет приблизительно 10 в 16-ой степени операций в секунду).

ближайшие десятилетия мы получим машины, чей вычислительный потенциал будет сравним с производительностью нашего мозга.

Пока у стремительно «умнеющих» машин нет надежного, компактного, а главное — автономного источника питания, компьютеры останутся настольными приспособлениями, развлекающими нас, расширяющими сферу наших познаний, общения, берущих на себя часть житейских забот, — это не представляет глобальной угрозы, как и не несет всеобщего процветания. Последнее утверждение основано на том, что мы в подавляющем большинстве — пользователи, не разбирающиеся в глубинной сути того, что эксплуатируем. Это не упрек и не выпад в чью-либо сторону — у каждого своя жизнь и к любому человеку

применимо высказывание о том, что нельзя объять необъятное.

Мы и не пытаемся это делать. Есть множество направлений деятельности, где машины с большей эффективностью работают по узким специализациям, старательно взращивая те побеги, плоды с которых срываем мы с вами.

Однако все измениться, как только наши настольные «хоумы» обретут две степени свободы: новую операционную систему, способную приспособливаться к окружающей среде (ради комфорта пользователя и повышения собственной надежности, естественно) и автономный, независимый от опутавших планету электросетей, источник долголетнего питания.

Я бы назвал это Вспышкой.

Она уже так близка, что боюсь, нет времени, на то, чтобы спокойно,

взвешенно подготовиться к ней. Она произойдет вне зависимости от желаний миллиардов людей, — попросту стремительное развитие кибернетики в определенный миг станет процессом неуправляемым, и общество расслоится, но уже не на богатых и бедных, а по совершенно иным градациям. Будут те, кто естественно и непринужденно перешагнет через грань, отделяющую настоящее от будущего, но, к сожалению, останутся люди, не подготовленные жизнью к внезапному, вспышечному развитию окружающего нас электронного мира.

Вспышка — это не черта, а скорее пик развития, за которым последует изменение окружающей нас реальности. К мыслям о Вспышке подводит все, — начиная от новостей компьютерного мира и заканчивая

свидетельствами использования террористическими организациями самых продвинутых образчиков электронно-вычислительной техники.

Два упомянутых примера – это крайние, экстремальные проявления окружающего мира. С одной стороны стоят мощные корпорации, работающие на благо потребителя и не считающие необходимым как-то ограничивать лавинообразный прогресс электронных систем, а с другой – недобросовестные пользователи их продукта, применяющие его, сообразуясь с собственными этическими нормами.

Где-то посередине мы – подавляющая часть человечества, по-прежнему разобщенные, далекие друг от друга, разные, по складу мышления и уровню технических знаний.

Нам не остановить грядущего. Мы можем либо жить в святом неведении, либо пытаться предугадать его...

Часть 1

Истоки

Глава 1

Все начинается с малого. Историю творим мы сами, и она ни что иное, как сложное проявление тысяч, миллионов причинно-следственных связей. К сожалению лишь отдельные люди задумываются над этим, ищут уместные сравнения, осознавая, что глобальные мировые процессы не возникают вдруг на пустом месте, как ни одна из полноводных рек земного шара не имеет в своих истоках ничего кроме маленьких, слагающих ее устье ручейков...

24 февраля 1991 года. Первый день сухопутной операции войск международной коалиции на территории Кувейта.

...Черный смрадный дым тяжелыми клубами стлался над землей, затмевая небеса. Нефтяные скважины горели в десятке километров от места высадки, но начавшаяся с утра песчаная буря не рассеивала дым, а наоборот прибавала его к поверхности земли, – мелкие частички гари налипали на поднятый ветром песок, превращая заурядное для этих мест природное явление в сущий кошмар.

На узком асфальтированном шоссе, выстроившись в колонну, стояли два «Хаммера» и пять армейских грузовиков с различным снаряжением.

Водители машин ждали приказ на начало движения, но командовавший колонной офицер вот уже четверть часа

нервно расхаживал по припорошенному песком асфальту, пытливо вглядываясь в сторону побережья, где утром произошла высадка войск.

Наконец из мутной пелены показалась одинокая фигура. Лейтенант в форме ВВС США бежал, по щиколотки увязая в песке. Нижнюю часть его лица закрывала дыхательная маска, глаза защищали темные очки, а новенькая полевая форма уже успела пропылиться, и на ней белесыми разводами проступали пятна соли от моментально высыхающего пота.

Ступив на асфальт, он остановился перед офицером, и отрапортовал, приподняв дыхательную маску:

– Лейтенант Ричардсон, сэр. Взвод компьютерной поддержки, отдельной роты техобеспечения. Откомандирован для сопровождения груза.

– Капитан Горман. – Сухо отрекомендовался командир колонны. – Долго лейтенант. – Не скрывая раздражения, добавил он. – Мы уже пол часа стоим на месте.

– Я получал секретную документацию, сэр. – Ответил Герберт.

– Ладно. – Горман внезапно закашлялся и глухо произнес: – Поедете в замыкающей машине. Наши танковые соединения ушли вперед, так что дорога должна быть очищена от вражеских войск. Первая остановка вот тут, – он приподнял висевший на боку планшет и указал точку на карте. – Позиция противоракетных комплексов. Действуйте быстро, лейтенант, до сумерек нам нужно успеть проделать весь маршрут.

Герберт кивнул. Он был рад, что дыхательная маска и очки полностью скрывают выражение его лица.

Впервые оказаться на войне – вещь малоприятная, а смог от горящих нефтяных скважин и поднявшаяся час назад песчаная буря лишь усугубляли чувство подавленности, лишая окружающую действительность даже намека на романтику.

Проклятый Ирак... – Думал Герберт, шагая к машине. Песок, секущий по незащищенным экипировкой участкам кожи, едкий смрад горячей нефти, багровый диск солнца, изредка проглядывающий в прорехи чадного марева, – все это сливалось воедино, формируя жутковатую картину действительности. Видимость не превышала десяти-пятнадцати метров, и от этого казалось, что ты попал на иную планету, где нет цивилизации.

Забравшись в кузов машины, он прошел по узкому проходу между плотно штабелированными

контейнерами, и постучал кулаком по кабине, давая понять водителю, что он на месте.

В ответ раздался приглушенный сигнал, и колонна, наконец, тронулась с места. Ричардсон, покачнувшись от внезапного рывка, стал пробираться назад к откидному борту, где заметил узкое сидение...

...Через щель неплотно закрытого кунга пробивалась пыль, но Герберт не стал затягивать шнуровку. Чувство которое он испытывал с самого утра нельзя было назвать страхом – скорее его снедала неосознанная тревога, смешанная с нервным любопытством. В глубине души он надеялся, что для него эта война не выйдет за рамки обычной рутинной работы, с той лишь разницей, что вместо стерильной лаборатории на этот раз придется действовать под

открытым небом.

Собственно, командировка в Персидский залив не явилась для него неожиданностью. Еще с июля прошлого года, когда Ирак оккупировал Кувейт, он понимал, — война неизбежна, а театр назревающих боевых действий по определению станет полигоном для испытаний новой, строго засекреченной техники.

Герберта абсолютно не смущал тот факт, что секретное оборудование доставленное на территорию Кувейта, по сути, будет испытано на людях. Иракцы, поджигающие нефтяные скважины, и посылающие свои ракеты в сторону Израиля, в отместку на удары международной коалиции, казались ему средневековыми варварами, не достойными права называться цивилизованным народом.

Подумав об этом, он посмотрел на

упаковочные контейнеры, внутри которых покоились нейрокомпьютеры — вычислительные машины, построенные на базе искусственных нейросетей. Он лично посвятил этим разработкам не один год и отлично знал, как работают обученные им машины.

Герберт не зря употребил в своих мыслях термин «обучение». Дело в том, что любой нейрокомпьютер радикально отличается от обычных электронно-вычислительных устройств. Искусственные нейроны, соединенные в сеть, невозможно запрограммировать обычным способом — их следовало обучать, на основе специальной выборки примеров. В результате, каждая отдельно взятая нейросеть, становилась эффективной, но узкоспециализированной экспертной системой, способной принимать

оптимальные решения в сложных ситуациях, неразрешимых для обычного электронного устройства.

Первые разработки в данной области начались еще в шестидесятые годы, но только теперь, с бурным развитием нанотехнологий² появилась реальная возможность сконструировать и применить на практике компактные, транспортабельные образцы уникальной техники.

Сам термин «нейрокомпьютер» так же был не нов. Подобные системы уже порядка десяти лет успешно работали в сфере бизнеса. Крупные промышленные компании использовали специально обученные нейросети для оптимизации своих производств, эффективного управления технологическими потоками, затем они

² Нано – от греческого *nannos* – карлик. Нанотехнологии подразумевают миниатюризацию тех или иных механизмов, электронных схем, приведение их к компактному виду.

все чаще стали появляться на биржах, где зарекомендовали себя как незаменимые экспертно-аналитические системы, способные предсказать рост или падение курса акций, но при всех перечисленных особенностях и преимуществах нейрокомпьютеры, по мнению Герберта, никаким образом не подпадали под понятие «искусственного интеллекта». Баснословно дорогие, узко специализированные машины, эффективные лишь в той области знаний, которым они были обучены, – вот что представляли собой современные нейросети.

Трясаясь в грузовике, лейтенант думал о том, что спустя несколько часов он сможет, наконец, убедиться насколько оправдан труд последних лет его жизни. Блоки автономной нейросистемы, которую он создал,

предназначались для интеграции в экспериментальные ракетные комплексы класса «земля-земля», и были призваны исключить любые ошибки в распознавании целей при нанесении точечных ударов по противнику...

...Грузовик внезапно качнуло и резко повело в сторону.

Лейтенант, углубившийся в свои мысли, не сразу понял, что произошло, – машинально схватившись за ближайший контейнер, он едва сумел удержать равновесие, но в следующий миг пластиковые ящики с драгоценным грузом внезапно пришли в движение, угрожающе сползая в узкий проход.

Мгновение спустя он услышал зловещий треск лопающихся креплений; спину обдало ледяной испариной, когда пол под ногами вдруг

начал опрокидываться, а драгоценные пластиковые кофры с грохотом посыпались в узкий проход...

Не понимая происходящего, он инстинктивно ухватился за задний борт, чувствуя, что машина вот-вот перевернется. Мир вокруг моментально сузился, оставив его восприятию лишь стремительно опрокидывающийся фрагмент дорожного покрытия, видневшийся сквозь щель неплотно закрытого кунга, да ощущение непоправимости внезапных событий.

Подчиняясь рефлексам, он выпрыгнул из машины и неловко приземлился на запорошенный песком асфальт, ощутив, как короткоствольный «ХМ-177», выданный в качестве личного оружия, больно впился в грудь.

Из поднебесья накатывал изматывающий звук, который рвал натянувшиеся нервы тонким

высокочастотным свистом... Сонмище мгновенных, не ведомых ранее ощущений навалилось на Герберта, охватывая его сознание со всех сторон: казалось, что источник непереносимого тонкого визга рушиться прямо на него, в душе стыл безотчетный ужас, но лейтенант, преодолевая бьющую тело бесконтрольную дрожь, все же нашел в себе силы, чтобы приподнять голову и осмотреться.

Секунды вдруг начали растягиваться в субъективную вечность: он отчетливо увидел, как в десятке метров от него двигавшийся по инерции грузовик окончательно сполз в обочину и перевернулся, глухо ударив бортом о наветренный склон песчаного наноса. От толчка пластиковые кофры с упакованными в них нейрокомпьютерами порвали прорезиненную ткань

камуфлированного тента и рассыпались, веером вспахав гребень сыпучей возвышенности...

В следующий секунду мир потонул во всплеске ослепительного оранжевого пламени: Герберт ощутил тугой, обжигающий вал взрывной волны, увидел разлетающиеся в стороны куски вырванного из дорожного полотна асфальтобетона... — все это спрессовалось в дикое, сиюсекундное восприятие полыхнувшего рядом взрыва, который приподнял лейтенанта и отшвырнул его в сторону, будто тряпичную куклу...

Сознание на миг погасло, но тут же вернулось с тошнотворным, подкатывающим к самому горлу ощущением полной дезориентации. Плохо соображая что делает, Герберт привстал на четвереньки, чувствуя, как ладони продавливают горячий песок, а

вокруг по-прежнему бесновался
неистовый грохот... дымные
оранжево-черные султаны разрывов
возникали в самых неожиданных
местах, перепахивая землю в полусотне
метров от неглубокой ложбины между
двумя отлогими барханами, куда
зашвырнула лейтенанта взрывная
волна.

Он почти ничего не видел из-за
дыма, в голове стоял иссушающий звон
контузии, рассудок работал со странной
избирательностью и лейтенант,
пребывая в состоянии полного аффекта,
пополз назад к дороге...

С трудом взобравшись на
осыпающийся гребень песчаной
возвышенности, он затравленно
огляделся по сторонам и внезапно
увидел обрывочную, фрагментарную
картину происходящего, в тех
подробностях, что позволял разглядеть

стелящийся вдоль самой земли дым...

На исковерканном взрывами дорожном покрытии между свежих воронок чадно полыхали четыре грузовика колонны. Последняя, замыкающая машина, в которой ехал он сам, просто опрокинулась набок, и лежала в обочине, нелепо задрав к дымным небесам медленно вращающиеся колеса. Взрывы вокруг не прекратились, но теперь они переместились чуть дальше, вглубь пустынной местности...

Оглянувшись в ту сторону, Ричардсон с внезапной болезненной отчетливостью понял, что колонна попала под удар собственной артиллерии. Они не успели отъехать далеко от побережья, и ураганный обстрел местности наверняка вел один из кораблей, возможно, тот самый крейсер, с борта которого двумя часами

раньше Герберт сошел на берег.

С гребня возвышенности было хорошо видно как неподалеку, подле разрушенных прямыми попаданиями приземистых построек небольшого населенного пункта горят четыре иракских танка. Пространство вокруг их позиций было перепахано снарядами, но обстрел не прекращался, разрывы продолжали свой неистовый танец, – прямо на глазах лейтенанта стены двухэтажного дома вдруг содрогнулись, окутавшись клубящимся белесым облаком, из которого во все стороны, словно шрапнель, ударили мелкие горячие обломки...

Он инстинктивно отпрянул назад, привстал, намереваясь бежать, неловко оступился на предательски осыпающемся склоне и кубарем скатился по наветренной стороне песчаного наноса.

Ударившись спиной об один из щедро рассыпанных по склону ящиков с оборудованием, он на миг полностью пришел в себя от резкой смены болезненных ощущений, и заработавший рассудок тут же подсказал: абстрактная война закончилась, враг всего в сотне метров, и возможно жить осталось считанные секунды...

От этих мыслей стало жутко, липкий страх запоздало обдал тело ледяным потом, Герберт вдруг вспомнил о личном оружии, которое он потерял в момент близкого разрыва, где-то подле опрокинутого грузовика, и на миг его контуженый рассудок захлестнула всепоглощающая волна отчаяния: хотелось сесть, обхватить голову руками и взвыть...

Убьют... Если буду сидеть – убьют...
Нужно найти капитана Гормана...

Он затравленно огляделся, но сизый кислотатый дым прибило ветром к самой земле, не давая увидеть ни своих, ни врагов, лишь до слуха доносились отчетливые звуки беспорядочного автоматического огня, и ему не оставалось ничего иного, как ползти к опрокинувшейся машине, которая осталась для Герберта единственным доступным ориентиром.

...Лучше бы он избрал иное направление.

Извиваясь, словно ящерица, Ричардсон преодолел несколько метров крутого подъема дорожного насыпи, и внезапно его глаза оказались вровень с кабиной опрокинувшегося грузовика.

Водитель и офицер – оба были мертвы, их безвольные позы и обилие крови, забрызгавшей покрытое сеткой трещин, пробитое в десятке мест лобовое стекло, немо

свидетельствовали о непоправимости случившегося, и рассудок Герберта не выдержал страшной картины — несколько секунд лейтенант потрясенно смотрел, как с приоткрытой двери в песок срываются тягучие темно-красные капли, а затем сознание помутилось, уплывая в дымный прогорклый сумрак...

...Он очнулся несколькими минутами позже, и, не оглядываясь, пополз прочь, но кошмар не прекратился, — обогнув полыхающие грузовики, Ричардсон внезапно наткнулся на обугленный, изуродованный до полной неузнаваемости труп.

Человеческое тело дымилось, источая удушливый смрад сгоревшей плоти, на почерневшем лице лопнула обуглившаяся кожа, обнажая страшный оскал черепа, и, словно в издевку над

жуткой откровенностью этой картины, полузадохнувшийся Герберт увидел совершенно не пострадавшие знаки различия капитана морской пехоты...

Это был Горман...

Капитан Горман, которому он рапортовал о прибытии каких-то пол часа назад...

Не в силах выдержать страшного зрелища Ричардсон конвульсивно сорвал дыхательную маску и, зажимая ладонями рот, бросился прочь...

Ему уже было абсолютно все равно куда бежать и что ждет его впереди.

Из чадного сумрака внезапно прорезался контур застывшего поперек дороги «Хаммера». Герберт остановился, ухватился рукой за распахнутую бронированную дверь машины и его, наконец, вывернуло наизнанку.

Нет... Это не со мной... Этого не

может происходить... – Тщетные бессвязные мысли метались в голове, а неуклюжая попытка разума абстрагироваться от реальности, закончилась лишь тем, что горло сдавил еще один удушливый спазм, но желудок уже расстался со своим содержимым и из горла вырвался сдавленный конвульсивный кашель.

В следующий миг чья-то рука схватила лейтенанта за плечо и грубо швырнула его на теплый асфальт.

– Ошалел?! Жить надоело?!

Лейтенант извернулся, вырвавшись из цепких объятий, и увидел незнакомого капрала в форме морской пехоты, который лежал рядом с ним, посылая в дымный сумрак короткие очереди из «М-16». Штурмовая винтовка ритмично вздрагивала в руках здоровенного афроамериканца, и короткие хоботки огня на миг освещали

его лоснящееся от пота эбеново-черное лицо с блестящими, выкаченными белками глаз.

В следующий миг по асфальту хлестнула ответная автоматная очередь, — пули с визгом ушли в рикошет, сбивая краску с камуфлированного борта застывшего поперек дороги «Хаммера».

— Отходим! Назад! По другую сторону насыпи!

Команда возымела действие, — в такие секунды только стопроцентный идиот задумывается над вопросами субординации, и лейтенант безропотно пополз вслед за капралом.

Скатившись по гравийному откосу, они оказались по другую сторону дорожного полотна. Здесь уже заняли позиции пятеро морских пехотинцев, — не обращая внимания на вновь прибывших, они лежали на скате

обочины, пытливо всматриваясь в рваный, дымный сумрак.

Мгновенье спустя над головой Ричардсона с грохотом заработал «М-60», вторя ему короткими очередями залаяли автоматические винтовки.

Горячие гильзы, шурша и позвякивая, летели вниз, под ноги скорчившемуся Герберту.

– Ну, лейтенант?! Ты придешь в себя?!.. – Цепкие пальцы вновь схватили его за плечо, ощутимо встряхнув, и Ричардсон медленно повернул голову, мучительно соображая: что он должен ответить?...

Смерть по-прежнему ошалело плясала вокруг. К артиллерийской канонаде теперь добавились близкие отчетливые звуки автоматического огня, горячий воздух, смешанный с дымом и песчаной взвесью, крутило

тугими смерчами, взрывные волны упругими, болезненными толчками накатывались с разных сторон, не давая возможности сориентироваться в кошмарном сумраке бессистемного боя.

...Два разрыва легли неподалеку, вырвав край дорожного полотна, заставив лейтенанта конвульсивно дернуть головой, так что лязгнули зубы, но странное дело – близкий взрыв вернул ему способность соображать, и, вслед за грохотом, он вдруг отчетливо уловил обрывок адресованной ему фразы:

– ...сбились с маршрута из-за песчаной бури. Надо выводить людей, мы оказались в тылу иракских позиций!..

Ричардсону потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить слова Дугласа. Капрал явно ждал от него каких-то приказов, действий, но

офицерские знаки различия не могли дать Герберту никакого преимущества во внезапно возникшей ситуации. Проще и честнее было сказать об этом напрямую...

– Я не могу принять командование. – Хрипло ответил он. – У меня нет боевого опыта.

Он ожидал презрительной реакции, но ошибся.

– Хорошо, лейтенант... – Дуглас резко перевернулся на спину. – Тогда вам придется выполнять мои приказы. – Он протянул руку, вытащил из-под обмякшего, безвольного тела мертвого бойца испачканную кровью «М-16» и протянул ее Герберту. – Будем прорываться назад, вдоль дороги.

Ричардсон заставил себя взять оружие, подумав, что ему нечем вытереть кровь и налипший на нее

песок, но эта мысль промелькнула и исчезла, вытесненная из рассудка иными, более весомыми переживаниями.

– Я не могу уйти отсюда. – Хрипло выдавил он.

– Почему? – Коротко осведомился капрал.

Герберт указал на темную массу опрокинутого набок грузовика, который смутно просматривался по ту сторону дороги.

– В нем секретное оборудование. Оно не должно попасть в чужие руки. Это будет катастрофой.

Дуглас задумался всего лишь на секунду, – он быстро принимал решения и ничуть не сомневался в оправданности собственных действий.

– В таком случае мы подорвем грузовик вместе с содержимым.

Ричардсон внутренне похолодел от

подобной перспективы.

– Нет. – Запротестовал он. – Это уникальная аппаратура. Ей нет аналогов. Там миллионы долларов.

Их диалог был прерван очередным близким разрывом.

– А сколько стоят наши жизни? – Проорал Дуглас, когда стих грохот. – Думай, что говоришь, лейтенант... Нас долбит своя же артиллерия, по ту сторону позиции иракцев, что с тыла – одному богу известно... Мы просто подохнем, если останемся тут.

– Уходите... – Герберту пришлось сделать усилие, чтобы выдавить из себя это слово. – Я не могу... – Он не закончил фразы, потому как внезапно возникшую дилемму разрешил раздавшийся невдалеке невнятный шум танковых моторов.

Звук приближался, он шел со стороны пустыни, как раз с того

направления, которое капрал только что обозначил термином «тыл».

Прислушавшись, Дуглас вдруг грязно выругался.

– Это не «Абрамсы» лейтенант. Нас, похоже, зажали...

Герберту опять захотелось съежиться, втянуть голову в плечи, в наивной надежде, что дым и поднятый ветром песок скроют их от новой угрозы, но уповать на удачу не приходилось, – звук явно близился, накатываясь на их позиции, и нужно было принимать какое-то немедленное решение.

– По ту сторону дороги есть разрушенные постройки. – Выдохнул Герберт. – В них уже дважды попадали, может, мы укроемся в руинах? Оттуда наверняка видна дорога.

Капрал на секунду задумался, затем кивнул.

– Хорошо, попробуем... – Он обернулся. – Всем приготовиться! – Зычный голос перекрыл шум ветра и отдалившийся грохот разрывов. – Меняем позицию! Цель – первый из разрушенных домов населенного пункта! Никому не отставать! – Дуглас рывком приподнялся на четвереньки. – Вперед! – Выкрикнул он, выпрямляясь в полный рост.

Мутная мгла поглотила его контур, вслед за капралом со ската обочины начали подниматься уцелевшие под артобстрелом бойцы. Низко пригибаясь, они рывком пересекали злополучную дорогу и так же исчезали в дымном сумраке.

Разум Герберта не поспевал за стремительным развитием событий, – из-за полученных контузий и постоянного стресса он ощущал себя беспомощным, ни на что не годным, но

чувства уже не играли былой роли, — они скользили по периферии сознания, будто призраки безвозвратно погибшего мироощущения...

Он вскочил, страшась вновь остаться в одиночестве. Сбившаяся набок дыхательная маска уже не защищала его легкие от едкого дыма, голова кружилась, и на фоне этих ощущений мгновенно исчезали все прежние чувства, — страх, растерянность, неприятие ситуации в целом, будто рассудок деградировал, распадаясь на отдельные сиюсекундные, рефлекторные позывы...

Бежать... Не отстать от своих... Вперед... Только вперед...

Ноги увязали в песке, склон песчаного бархана казался неодолимым, Герберт карабкался на него, позабыв всякую осторожность, стремясь лишь к одной цели —

добраться до вершины песчаного наноса и увидеть руины дома, о которых он говорил капралу.

Впереди над заветным гребнем из мутной мглы внезапно возникла сторбленная фигура и лейтенант, карабкавшийся по склону, вдруг с ужасом осознал, что этот человек одет не по форме морской пехоты США. На нем был камуфляж песчаного цвета со светло-коричневыми разводами, голову и нижнюю часть лица покрывала матерчатая повязка, в руках незнакомец сжимал автомат системы «Калашникова» с потертым прикладом и рыжеватым пластиковым магазином.

Фигура иракского бойца на миг застыла, — припав на колени, он выцеливал кого-то в окружающей мгле... и вдруг автомат в его руках звонко выплюнул длинную очередь, озарив пространство вокруг злобным

хоботком пламени, пляшущем в узких прорезях ствольного компенсатора...

Вне поля зрения Ричардсона раздался громкий болезненный вскрик, и это вывело лейтенанта из секундного замешательства. Вскинув «М-16», он потянул тугую скобу, и автоматическая винтовка преданно ответила тремя ритмичными выстрелами, которые прервал сработавший механизм отсекаателя очереди.

Герберт был скверным стрелком, но промахнуться с дистанции в несколько метров, было практически невозможно: выпущенные им пули угодили в плечо и голову врага, заставив того конвульсивно дернуться, одновременно разворачиваясь на одном месте...

Он умер, вряд ли успев осознать факт собственной смерти, но Герберт впитал его короткую агонию каждой клеточкой своего тела.

Ему казалось, что нет больше ни прошлого, ни будущего, остался только этот миг, застрявший где-то посреди вечности: искаженное судорогой чужое лицо с кровоточащей раной вместо левой глазницы, белеющие на глазах губы, вытянувшиеся бескровной линией, разжавшиеся пальцы, падающий в песок автомат, и ноги, безвольно подгибающиеся в коленях...

Наваждение сгнуло так же быстро, внезапно, как и возникло, — тело убитого еще оседало на забрызганный кровью песок, а лейтенант уже инстинктивно рванулся вперед, будто в его жизни насильственная смерть являлась обыденностью, вот только мышцы лихорадило, да перед глазами еще несколько мгновений стоял призрак изуродованного агонией незнакомого лица...

Он остутился, упал, снова вскочил,

дав две или три очереди по теням, что грезились вокруг, потом в поле его зрения попали руины дома, за которым чадно горели чужие танки, и он побежал к скособоченному двухэтажному строению с провалившейся внутрь крышей...

Картины, которые успевал зафиксировать взгляд, казались Герберту тусклыми, расплывчатыми, ветер дул порывами, поднимая в воздух тончайшую пыль, похожую на коричневатый туман, застилающий окрестности. Страхась потерять единственный ориентир, лейтенант сосредоточил свой взгляд на руинах дома. Он приближался к строению с наветренной стороны, клубы мельчайшей песчаной взвеси, вырываясь из-за спины, иногда застили все вокруг, снижая видимость до одного-двух метров, и в конечном

итоге он был вынужден остановиться, потеряв ориентир...

Пока лейтенант медлил, пребывая в нерешительности, где-то рядом отчетливо ударил пулемет: ритмичный грохот длинной, непрерывной очереди проник в сознание, заглушив все остальные звуки. В этот момент клубы пыли, наконец, начали рассеиваться, — очередной порыв ветра приподнял эфемерное покрывало, и он увидел, что заветные руины уже совсем близко, до них оставалось пробежать всего метров сто...

На поверку оказалось, что группа придорожных строений вовсе не является населенным пунктом. Единственный двухэтажный дом, к которому стремился лейтенант, окружали приземистые одноэтажные постройки с выбитыми витринными окнами, — наверняка это был

минимаркет, совмещенный с рестораном быстрого обслуживания, а чуть дальше смутно виднелись плоские крыши нескольких, отдельно стоящих домиков небольшого кемпинга, огороженного разбитым бетонным забором. Эти мимолетные, обрывочные наблюдения, наводящие на мысль, что тут до оккупации проживала семья кувейтского бизнесмена, скользили на периферии сознания, которое в этот миг сосредоточилось на иных, более острых ощущениях. Герберт бежал, расходуя последние силы, он задыхался, резь в груди казалась нестерпимой, организм, не приученный к моментальным физическим нагрузкам, не выдерживал ритмики боя, хотя вряд ли происходящее вокруг можно было обозначить таким емким термином.

Нет, это был не бой, – разрозненные

группы людей, перемещались по определенному пространству, одинаково дезориентированные внезапной артподготовкой, дымом от горящих нефтяных скважин и усилившейся песчаной бурей. Сталкиваясь лицом к лицу, они вступали в скоротечные кровавые схватки, или же просто расходились, не заметив друг друга из скверной видимости... Остатками иракского подразделения и уцелевшими бойцами армии США руководили не планы наступления и обороны, не тактика, не воля командиров, а единственное желание – выжить.

Это удавалось далеко не всем. Герберт не мог с точностью сказать, сколько человек поднялись вслед за капралом, но в прорехах стелящихся вдоль самой земли пылевых облаков он видел, как справа от него внезапно

упали двое солдат, подкошенные кинжальным огнем бьющего из мглы пулемета, а затем, неожиданно пришел и его черед...

Поначалу, когда что-то с силой ударило в бедро левой ноги, он почувствовал лишь жар, бежать стало трудно, потом мышцы не выдержали, колено бессильно подломилось, и он неловко упал на бок, по инерции прокатившись несколько метров.

Режущая боль пришла в тот миг, когда он взглянул на свою ногу. Ткань униформы в районе бедра оказалась распорота, будто по ней полоснули ножом, а из прорехи пульсирующей струйкой била кровь.

Он не вскрикнул, лишь сознание вдруг «поплыло», теряя остроту восприятия, но Герберт уже перешагнул некий внутренний порог, когда страх и растерянность

истончились, отошли на второй план, под жестким прессингом стремительных событий. Лейтенанту казалось, что он утратил всякий осмысленный контроль над собственным телом, и не рассудок в данный момент руководил рефлексами, а наоборот, словно древние участки мозга, доставшиеся нам от первобытных предков, внезапно перехватили управление, заставив его машинально зажать рану рукой, и ползти, теряя остатки сил на последних метрах, отделявших Герберта от спасительного укрытия.

Дверной проем здания был перегороден рухнувшими обломками перекрытия, но Ричардсона уже не могли остановить подобные преграды, — протиснувшись в зазор между двумя сложившимися «домиком» плитами, он оказался

внутри длинной сумеречной комнаты.

Нервное напряжение не отпускало, тело по-прежнему лихорадило, словно у него начался жар, бедро пульсировало нестерпимой болью, но, тем не менее, он прополз еще пару метров по захламленному полу, прислонился спиной к уцелевшему участку стены и только тогда оглядеться вокруг.

Зрение постепенно свыкло с сумраком, и он различил многочисленные бреши в стенах, троих бойцов, занявших позиции у перекошенных, осевших оконных проемов, и капрала Дугласа, который находился тут же: он опустился на корточки подле квадратного люка, очевидно ведущего в подвал дома. Судя по его тщетным попыткам открыть проход, тот оказался заперт изнутри, значит, в подвале кто-то был...

Рваные мысли не успели сложиться в

голове лейтенанта в четкую картину понимания окружающей обстановки, — капрал внезапно выпрямился, и, отступив на шаг, вскинул «М-16», выпустив несколько очередей в район предполагаемого запора, а когда изрешеченный пулями люк вдруг с глухим звуком провалился вниз, то вслед его падению полетела граната...

Глухой взрыв заставил руины дома вздрогнуть: со стен посыпались остатки облицовки, сверху от провисшего железобетонного перекрытия со скрежетом обрушились несколько бесформенных обломков, а из квадратного проема в полу вдруг вырвались клубы сизого дыма, смешанного с белесой взвесью...

— Кто... там... был?... — Хрипло спросил лейтенант, глядя, как расплзается вдоль пола сизо-белое облако...

Дуглас обернулся.

Его лицо походило на тотемную маску смерти, — несколько свежих порезов обильно кровоточили, кожа плотно обтянула обострившиеся скулы, в глазах читалось бешеное, ненормальное выражение...

— Оттуда работал пулемет... — Выдавил сквозь зубы капрал. — Теперь мы в безопасности... — Добавил он, сплюнув на пол. — Если сидеть тихо, то, может, еще доживем до заката...

К Герберту постепенно возвращалось ощущение реальности.

Дым, сочащийся из подвального помещения, постепенно иссяк, вокруг воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь тонким, заунывным посвистом ветра, да невнятным шуршанием песка. Дуглас был прав, — иракцы вряд ли полезут проверять руины здания, и у них теперь появился

реальный шанс отсидеться тут до подхода своих частей, которые должны были развернуть наступление от побережья вглубь территории Кувейта.

Бессильно отпустив оружие, Ричардсон, поморщившись от боли, посмотрел на наручные часы. Цифры в крохотном окошке указывали, что с того момента, как колонну обстреляла артиллерия, прошло всего лишь тридцать минут...

Пол часа... Он сидел совершенно опустошенный, необратимо изменившийся внутри, вся прошлая жизнь казалась сном, словно между двумя отрезками бытия пролегла неодолимая пропасть...

Его терзали жажда и боль, но сил пошевелиться уже не было.

Капрал тем временем обошел весь периметр обширного помещения, осторожно выглядывая в проломы.

Закончив, осмотр прилегающей к зданию местности он что-то тихо сказал троим бойцам и, отыскав взглядом Ричардсона, направился к нему.

Присев рядом он устало сообщил:

– Сзади разбитые позиции. Похоже, иракцы покинули их еще до окончания артобстрела. С твоим грузовиком все нормально. Лежит в обочине.

Герберт кивнул, судорожно сглотнув. После рывка через барханы его почему-то уже не так остро заботила сохранность груза и важность возложенной на него миссии, которая в сложившейся ситуации была явно невыполнима.

– Что с ногой? – Хрипло спросил Дуглас, обратив внимание на кровь.

– Не знаю. – Герберт болезненно поморщился. – Зацепило.

– Давай посмотрю. – Капрал уже

опустился на колени, одной рукой вытаскивая десантный нож, а другой доставая индивидуальный перевязочный пакет.

Лейтенант счел за благо отвернуться. Он лишь услышал звук вспарываемой ткани да почувствовал вспышку жгучей боли, от которой хотелось заорать во все горло...

Стиснув зубы, он издал долгий мучительный стон.

– Ничего страшного лейтенант. – Успокоил его Дуглас, накладывая жгут. – Пуля прошла вскользь, считай, что просто сильно порезался... – Не смотря на это оптимистичное заявление, капрал, мельком взглянув на землисто-серое лицо Герберта, достал шприц-тюбик и сделал ему противошоковую инъекцию. – Все, можешь понемногу двигаться. – Заключение он, перевязав рану.

Минут через пять Ричардсон ощутил ненормальный, лихорадочный прилив сил. Боль исчезла, лишь тугая повязка на ноге сковывала движения.

Вокруг воцарилась относительная тишина. Дуглас со своими бойцами перешел в соседнее помещение, оставив лейтенанта контролировать полузасыпанный вход в здание. Некоторое время он сидел, вслушиваясь в тихий шелест песка, секущего по стенам постройки, да заунывный вой ветра, заплутавшего меж осевшими плитами разрушенного перекрытия, пока до слуха не долетел еще один звук: ему показалось, что он слышит детский плач...

Тихое всхлипывание исходило откуда-то снизу, и Герберт сразу же подумал про подвал дома, куда Дуглас на его глазах метнул гранату.

Скрипнув зубами, он привстал, и, припадая на раненую ногу, доковылял до квадратного проема, откуда уже перестал сочиться едкий дым.

Подвал был неглубоким — всего метра два, не больше. Вниз вела посеченная осколками, опасно накренившаяся лестница, но всхлипывание и стоны уже не грезились, они стали явственными, отчетливыми и лейтенант лег на пол, осторожно нащупывая здоровой ногой первую ступеньку.

...

Обливаясь холодным потом, Герберт все же умудрился спуститься вниз. Густой сумрак сразу же обволок его со всех сторон, лишь вдалеке у задней стены подвала сквозь маленькое окошко пробивался рассеянный свет. Прихрамывая и спотыкаясь, лейтенант пошел туда, прислушиваясь к внезапно

наступившей тишине.

Неужели ему почудилось?

Добравшись до задней стены подвала, он остановился, озираясь вокруг. В тусклом свете, проникающем через узкое прямоугольное окошко, он увидел опрокинутую треногу крупнокалиберного пулемета, щедрую россыпь гильз на полу, и чуть дальше у выщербленной осколками стены — лежащие вповалку тела.

Их было пять или шесть — жуткое кровавое нагромождение изрубленной гранатными осколками плоти. Ричардсон в немом оцепенении смотрел на эту страшную картину, медленно осознавая, что перед ним не трупы врагов. Тело иракского бойца, облаченное в знакомую, песчано-желтую камуфляжную форму валялось поодаль, подле импровизированной амбразуры и

опрокинутого пулемета, а здесь в углу подвального помещения собрались те, кого коалиционные силы пришли защитить от агрессии...

Это были жители Кувейта, семья, владевшая скромным придорожным комплексом. Похолодевший взгляд Герберта различал все больше подробностей, и от этого хотелось рухнуть на колени, закричать, потому что стоять, глядя на выразительные позы мужчины и двух женщин, которые в последний миг перед взрывом пытались закрыть своих детей, было попросту невыносимо...

Что же ты наделал капрал... — в отчаянии подумал Герберт.

В этот миг он снова услышал сдавленный всхлип.

Рухнув на колени, позабыв о боли, лейтенант лихорадочно отвалил в сторону мешковатое тело

сорокалетнего мужчины, с ужасом приподнял невесомый трупик пятилетней девочки... и вдруг увидел, что из-под кровавого нагромождения тел на него смотрят полные слез глаза.

Таким лейтенанту Ричардсону запомнилось лицо войны, которое на всю оставшуюся жизнь вобрало в себя перекошенные черты двенадцатилетнего подростка, до дрожи похожего на своего мертвого отца...

Такое не увидишь с экранов телевизоров, это не может пригрезиться в самом тяжком кошмарном сне, пока не столкнешься с чем-то подобным воочию.

...

Герберт плохо помнил, как вытаскивал раненого ребенка из-под окровавленных тел, как поднимался с ним по шаткой лестнице и после,

прижимая к себе дрожащее тело, орал на капрала Дугласа.

Сознание окончательно надломилось, не выдержав непомерного груза выпавших на его долю испытаний. Отчетливо запомнилось лишь одно: когда к вечеру на их позицию вышла прочесывающая окрестности мобильная разведгруппа британского спецназа, подросток до этого находившийся в состоянии шока, вдруг пришел в себя.

Его дрожащее тело до этого инстинктивно прижимавшееся к Герберту, вдруг напряглось, в покрасневших от слез глазах появилось жуткий, ненавидящий блеск, он оттолкнул лейтенанта, отполз на несколько метров и вдруг начал что-то кричать на непонятном языке.

Двое британских солдат подошли к нему, и пока один крепко прижимал

подростка к полу, второй сделал ему инъекцию.

Тело мальчишки несколько раз выгнулось, и он внезапно затих.

Один из британцев, спускавшийся в подвал, вернулся оттуда с пачкой испятнанных кровью документов.

...Герберта и спасенного им подростка уже погрузили на носилки и несли к армейскому джипу, когда лейтенант заметил, что офицер, которому передали найденные бумаги, внимательно изучает их.

– Подождите... – попросил Ричардсон.

Жестом подозвав к себе командира группы спецназа, он спросил:

– Вы знаете арабский язык, капитан?

Тот кивнул.

– Здесь есть документы мальчика?

– Есть. Его зовут Алим. Алим Месхер. Вы не ошиблись лейтенант, в

подвале погибли местные жители, прятаясь от артобстрела.

Ричардсон на секунду прикрыл глаза.

– Вы можете перевести, что кричал мальчик?

Капитан внимательно посмотрел на бледное лицо Герберта и спросил:

– Вы уверены, что хотите это знать?

– Да.

– Он кричал, что ненавидит вас. Еще он клялся отомстить всем американцам.

– Но это ошибка. Чудовищная ошибка.

– Он не понимает этого, лейтенант. И боюсь, не поймет никогда.

– Теперь он останется сиротой? Вы можете записать мне его данные, чтобы позже я мог разыскать Алима?

– Это ни к чему. Он будет переправлен в наш госпиталь, а затем, если не отыщутся родственники, британское правительство возьмет на

себе заботу о его воспитании. Время лечит душевные раны, а хорошее образование способно сгладить ненависть.

– Хорошо если так капитан.

Офицер кивнул Герберту, мельком взглянул на соседние носилки, и жестом приказал своим бойцам – несите.

...

Через два месяца лейтенант Ричардсон выписался из госпиталя и одновременно подал рапорт об увольнении с воинской службы. Памятуя о словах британского офицера, он все же попытался разыскать мальчика, но, наткнувшись на глухое, неприязненное непонимание со стороны британских эмиграционных служб, в конечном итоге оставил тщетные попытки выяснить его дальнейшую судьбу.

Глава 2

Россия. Начало двадцать первого века...

...Шел две тысячи первый год.

Было девять часов вечера, когда «BMW» с Питерскими номерами остановилась у подъезда пятиэтажного кирпичного дома, возвышающегося на окраине провинциального областного центра.

Справа от машины виднелась старая, заросшая травой спортивная площадка, зажатая между зданиями двух городских СПТУ. За ней в свете уличных фонарей поблескивало лужами уводящее за город шоссе, слева за трубами теплотрассы темнел пустырь, плавно переходящий во вспаханные поля.

Дом, перед которым остановилась

машина, имел всего один функционирующий подъезд. Редкие квадраты освещенных окон демонстрировали скромный быт обитателей кирпичной коробки: лишь малая часть проемов имела шторы, большинство же до середины прикрывали пожелтевшие газеты, на фоне которых перемещались смутные силуэты людей.

– Общага что ли? – Посмотрев по сторонам, осведомился водитель «BMW».

– Угу... – Коротко ответил ему молодой, крепко сбитый парень, развалившийся на пассажирском сидении. – Гужатник.³ Сам в таком вырос. – Внезапно признался он.

– А что мы тут забыли, Серж? – Водитель погасил фары и, сцепив руки в замок, облокотился о руль. Тусклая

³ Гужатник (жарг.) – Общежитие ППТУ.

подсветка приборной панели змеящимся бликом отразилась от массивной золотой печати на его пальце. – Дело сделали, – он повернул голову, пытливо посмотрев на своего спутника. – Пора бы домой мотать, пока местные менты не всполошились.

– Не всполошатся. – Успокоил его Сергей. – Дело есть... – Он задержал взгляд на освещенных квадратах окон, мысленно взвешивая какие-то внутренние, ведомые только ему «за» и «против», а потом, решившись, сказал:

– Саня, ты посиди, я скоро.

– Блин, Серж, куда тебя несет? – Неодобрительно покачал головой водитель, посмотрев на обшарпанное здание. Он уже настроился на обратную дорогу, и внезапная задержка у скособоченного подъезда унылой общаги показалась ему ничем не оправданной.

Давыдов как всегда со своими приветами. — Неприязненно подумал он. — Если перенапрягся, девочку там захотелось или водки, — это понятно, но не в таком же гадюжнике... Два, ну максимум три часа, и мы дома, в Питере, можно бы и потерпеть...

— Что тебя вдруг приспичило, там ведь вонь одна... — Вслух добавил он. — Детство в заднице заиграло?

Сергей, который уже взялся за ручку двери, повернул голову.

— Ты что, критиковать меня будешь? — Скупое спросил он, внезапно похолодев взглядом.

Его собеседник мгновенно осекся, заметив знакомый, не сулящий ничего доброго блеск, внезапно промелькнувший в глазах Давыдова.

— Нет, ну... — Попытался сгладить он свою необдуманную резкость, но Сергей оборвал его на полуслове:

– Тогда сиди, на хрен, и не рыпайся. – Глухо произнес он. – Мое детство – это такая вот засратая общага, а потом Чечня в девяносто пятом, – играла она у меня в заднице в новогоднюю ночь, пока ты шлюх по ночным барам зажимал в Питере...

– Ну, что ты звереешь-то сразу, в натуре!.. Я же не виноват, что у меня зрение...

– Я не зверею. – Сквозь зубы ответил Давыдов. – А сказки про зрение оставь военному. – Он немного помолчал, глядя в вечернюю мглу, что растеклась за забрызганным каплями дождя ветровым стеклом, и добавил, остыв так же быстро, как и завелся:

– Друг у меня тут.

Тихо чавкнула дверца машины, в мутном свете уличного фонаря мелькнули черные полы пальто, скрипнула, а затем отрывисто хлопнула

перекошенная мокрая дверь.

Подъезд, как и предполагал водитель «BMW», оказался вонючим и темным. Лестничные марши уходили ввысь, теряясь в густом мраке, флюиды, витающие в темноте, казались тошнотными: запах прокисшей мочи смешивался здесь с сомнительными ароматами готовящейся пищи, двери этажей, испытывающие постоянный прессинг со стороны возвращающихся домой подвыпивших жильцов, пропускали на лестничные площадки узкие полосы желтоватого света, проникающие через разломы в фанерных вставках, заменяющих давно выбитые стекла.

Сергей остановился на площадке третьего этажа, мельком взглянув на незамысловатые образцы граффити, перед которыми экстремальные

выходки протестующей американской молодежи казались наивным детским лепетом. Самый безобидный образчик настенной живописи имел явный сексуально-политический оттенок и был снабжен поясняющей надписью: «Вот тут я вас видел». Где — становилось понятно из рисунка.

Хмыкнув в ответ своим мыслям, Давыдов толкнул дверь, и попал в длинный коридор, похожий на застенок изолятора временного содержания. Тусклые лампы, давно лишившиеся плафонов, горели тут через одну, озаряя нездоровым желтоватым сиянием замызганные коврики, небрежно брошенные на пол перед дверьми, ведущими в отдельные комнаты общежития.

Взгляд Сергея скользнул по номерным табличкам, невольно подметив многочисленные следы

взломов, которым периодически подвергались незатейливые врезные замки, словно тут как минимум раз в неделю проходили учения армейского спецназа...

Ироничная мысль носила черный, горьковатый оттенок юмора, – на самом деле Давыдов отлично знал, как это бывает... Его детство и юность действительно прошли в похожем общежитии, и не было никакой разницы в том, что «родная» общага располагалась не тут, а в Питере. Смысл оставался один, и удручающая, многократно повторяющаяся адекватность подобных мест работала в унисон с памятью, возрождая в ее глубинах образ собственно отца, который, подвыпив, частенько ломал двери, только лишь потому, что не мог попасть ключом в замочную скважину...

Сергей встряхнул головой, отгоняя наваждение. Нервы и так были натянуты, но не от той «работы», что пришлось проделать пару часов назад, а от гнетущего ожидания встречи, которая по определению не могла принести никакой радости.

Злые растерзанные мысли безвыходно копились в рассудке, словно там прижился паразит, медленно высасывающий из души остатки человечности. Прав Саня... – подумалось в этот миг. – Мало мне своих проблем...

Давыдов сплюнул на пол и медленно пошел вдоль коридора. Он был в этом общежитии всего один раз, четыре года назад, и плохо запомнил номер нужной ему комнаты – не то тридцать семь, не то семьдесят три...

Нет... не вспомнить. Нужно спросить у кого-нибудь...

– Эй, мужик! – Он призывно и требовательно взмахнул рукой, заметив возникшую в конце коридора смутную тень.

Силуэт застыл, как вкопанный.

– Тебе, тебе говорю. – Повторил Сергей. – Иди сюда, дело есть.

Фигура, смутно различимая в полумраке, не решилась протестовать, сделав неуверенный шаг по направлению Давыдова. В этот миг в конце коридора внезапно распахнулась дверь и оттуда, вместе со светом вырвался поток бессвязной матерной ругани.

В плотном прокуренном сумраке за спиной обитателя общежития возникла еще одна тень, и Сергей, без интереса наблюдавший эту сцену, увидел, как вдогонку мужику, сомнабулически перемещающемуся вдоль стены, полетело что-то шуршащее,

бесформенное.

– Куртку свою забирай, козел!

Голос был женским.

Мужик равнодушно подобрал брошенную вслед верхнюю одежду. Остановившись, он пошатнулся, обдав Давыдова мутным взглядом, с трудом удержался растопыренной пятерней за стену, и сипло спросил:

– Ну, чего тебе?...

– Антона Извалова знаешь? – Спросил у него Сергей. – Молодой парень, несколько лет назад из Чечни вернулся.

Обитатель общежития стоял, слегка покачиваясь на нетвердых ногах.

– Закурить есть? – Наконец сфокусировался он на фигуре в черном длиннополном пальто, которая казалась ему призраком.

– На. – Давыдов равнодушно протянул ему полупустую пачку

«Camel». – Я спрашиваю, Антона Извалова знаешь? Мне нужен номер его комнаты.

На некоторое время в коридоре повисла гнетущая тишина, которую нарушали лишь невнятные, доносящиеся из-за дверей звуки, да сильное дыхание пьяного обитателя общаги, взгляд которого медленно перемещался с пачки импортных сигарет на Давыдова и обратно, отражая вялый мысленный процесс.

– Извалов?... – Хрипло переспросил он спустя некоторое время. Антон?... – С нотками сомнения повторил он названное имя. – Это контуженый, что ли?!.. – Наконец осенило его, когда Сергей уже начал терять всякое терпение. – Знаю... – Утвердительно кивнул мужик, недоверчиво покосившись на сигареты. – Это мне?

– Забирай. Только скажи, в какой

комнате он живет?

– А?... – Собеседник Давыдова опять начал выпадать из реальности, что-то бормоча себе под нос.

Прав был Саня, тупая это затея... – Вновь подумал Давыдов, хотя знал, что уже не повернет назад. Не в его привычках было останавливаться на пол пути, да и увидеть Антона нужно – это желание уже твердо оформилось внутри и как любая запавшая в разум мысль не даст покоя пока не будет осуществлена. О душе Сергей не вспоминал. От нее давно не поступало никаких позывов, и все что он делал, по большей части диктовал больной, истерзанный рассудок, который порой помимо его воли искал горьких, зачастую ненужных встреч, уводил его в такие места, где остро оживали воспоминания, словно подсознание надеялось, ждало, что в какой-то

момент очнется загнанная в угол душа, и тогда все пойдет иначе...

Тщета...

– Блин, мужик, я тебя по-русски спрашиваю... – Сергей начал заводиться. – НОМЕР КОМНАТЫ АНТОНА ИЗВАЛОВА?!..

Если бы не тошнотный запах, исходящий от собеседника, Давыдов взял бы его за ворот и пару раз тряхнул бы об стенку, для ясности мышления.

– А... это комната тридцать семь. – Тот, заметив неладное, тут же протрезвел на несколько секунд. – Но только ты это... Не трогай меня... Я пошел... А он контуженный... Ты к нему стучись сначала... – Он развернулся и нетвердой походкой направился назад, к той двери, откуда минуту назад вылетела его куртка. – Эй, Машка... Открывай, я курить нашел... – Вялый мужской кулак

забарабанил в дверь. — Открывай, я кому говорю... — Через некоторое время что-то затрещало в конце длинного коридора, — очевидно, вылетал очередной, тысячный по счету шпингалет, но Давыдова совершенно не интересовала развязка этой сцены. Остановившись напротив двери с заляпанным краской номером «37» он прислушался.

Тихо бормотал телевизор.

Он постучал.

Из-за дверей не ответили. Сергей подождал минуту, потом опять постучался и, не удостоившись ответа, толкнул дверь. Она поддалась с неожиданной легкостью, и вдруг... в образовавшуюся щель, отскочив от истершегося порожка, с глухим, неприятным стуком, вылетела «эфка»...

Мышцы сработали машинально, без участия разума, на уровне рефлексов.

Граната еще выкатывалась в вонючий коридор, а он уже влетел внутрь комнаты, и застыл, вжавшись в простенок, с таким расчетом, чтобы не достало осколками через дверной проем.

Глухой ток крови в висках отсчитывал секунды. Одна... Вторая... Третья...

– Не взорвется. – Внезапно оборвал мысленный отсчет глухой голос, на миг перекрывший бормотание телевизора. – Это муляж. Принеси, а то пацаны увидят, утащат.

Вернувшись в комнату с ребристым муляжом «эфки» Давыдов еще несколько секунд привыкал зрением к густому сумраку, щедро сдобренному сизым, вонючим папиросным дымом.

Все оказалось много хуже, чем он предчувствовал...

Взгляд постепенно стал различать окружающие предметы, учитывая, что единственным источником света в тесной пеналообразной келье являлся черно-белый ламповый телевизор, экран которого таинственно мерцал рябью помех, – изображение на нем было смазанным, нечетким и только приглушенный голос звучал вполне внятно, естественно.

Шел выпуск вечерних новостей. По экрану металась смутные, искаженные тени.

– ...сказал, что основные силы боевиков после ощутимого поражения отходят в горы, пытаюсь использовать для отступления последние дни, пока на горных тропах и перевалах не лег снег...

Давыдов по-прежнему стоял у порога, внимательно вглядываясь в сумрак.

В призрачном свете серыми тенями выделялись немногочисленные предметы мебелировки. Диван у плотно зашторенного окна, две обшарпанные тумбочки казенного образца на одной из которых стоял упомянутый телевизор, встроенный шкаф для одежды с болтающейся на одной петле дверкой, а подле, небрежно прикрытый брошенной сверху газетой прямо на полу пылился старый, допотопный компьютер еще советского производства.

– Серега? Давыдов?!.. – Нарушил затянувшееся замешательство хриплый, знакомый, но странно изменившийся голос Антона Извалова.

Он звучал надтреснуто, словно был сломан.

Глаза уже полностью привыкли к густому сумраку, и Давыдов, резко обернувшись, различил, наконец,

лежащего на диване человека.

Вернее, это была страшная пародия на человека.

– Антон... – В горле Сергея внезапно встал комок. Чувство было старым, уже позабытым, как и само понятие – «душа». Этот удушливый ком пришел из прошлого и мог быть порожден только им. Видел бы его сейчас кто-то из братвы, – не поверили бы, что Серж, может вот так стоять в нерешительности, а его лицо будет скомкано гримасой, в которой смешалось все: и сострадание, и злоба, и обреченное, отчаянное неприятие тех образов, что передает зрительный нерв...

Дежа вю...

Так было с сержантом Давыдовым лишь однажды, на улице Грозного, когда он увидел первый сгоревший танк и тела наших ребят – обугленные,

наполовину высунувшиеся из люков...

Свою кличку, – Смерть – он получил уже на «гражданке» за способность в критические секунды опасных разборок вдруг уходить, ускользать из данности в свое прошлое, разительно меняясь лицом и поведением.

Такое выражение лица, что гримасой исказило черты Сергея, обычно означало одно: смертельный приговор его оппонентам. И тем более становилось странным, что сорванная крыша Давыдова в этот раз встала на место достаточно быстро и безболезненно.

Он просто оттаял взглядом, сделал шаг вперед и присел на край скрипнувшего дивана.

– Ну, здорово...

Рука, высунувшаяся из-под шерстяного одеяла, была худой, – почти одни кости.

Он пожал ее, встретил взгляд глубоко запавших глаз, и не смог вторично сглотнуть этот ком.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, а потом, когда костлявые пальцы Антона разжались, Сергей тихо укоризненно спросил:

– Ну почему так?... Мы же оставляли тебе деньги...

Извалов слегка пожал плечами в ответ.

Не зная, что делать, как сглотнуть застрявший в горле ком, Сергей огляделся, растерянно, зло. Заметив выключатель, он встал, щелкнул им, и комнату залил желтоватый свет сорокаваттной лампочки.

Голые стены. Потолок цвета слоновой кости с взлохмаченными нитями невесть откуда берущейся паутины, которая гнездится по углам, постепенно обрастая осадком никотина

и пыли. Из мебели, как он успел заметить еще в полумраке, присутствовал лишь диван на двух силикатных кирпичах вместо утерянной ножки, да тумбочки с поцарапанной полировкой, на которых стоял старый черно-белый телевизор прибалтийского производства... и как завершающий штрих к картине полной, ничем не прикрытой нищеты — два укороченных костыля, прислоненных к подоконнику, а рядом — самодельные наколенники с присохшими следами уличной грязи...

Сергей не стал ничего говорить, — вернулся к дивану и сел, под жалобный скрип пружин. Он чувствовал, что Антон смотрит на него, как и тот мужик, — словно на привидение... Они оба испытывали в эту минуту одинаковую, болезненную неловкость, — какими бы разными,

чуждыми на первый взгляд не показались два находящиеся в комнате человека, обоим хотелось одного — помолчать, не произнося праздных, затертых слов, чтобы щемящая горечь, что всколыхнулась в сознании черной махровой стеной, немного поулеглась, возвращая способность дышать и мыслить.

Два русских парня.

Две судьбы, два разума пропущенные сквозь жернова войны, изжеванные искалеченные и сплюнутые за дальнейшей непригодностью.

Жизнь жестока. Она каждый день предлагает нам выбор, и все мы принимаем частные сиюминутные решения, не оглядываясь на то обстоятельство, что из частностей как раз и складывается Судьба.

Четыре года назад Давыдов действительно заезжал в это общежитие, вместе с ребятами уволившимися в запас. Антон, потерявший после ранения обе ступни, тогда только выписался из госпиталя, и в комнате над искалеченным сыном причитала мать. Гостей она приняла без радости, и встреча вышла неловкой, скомканной, скоротечной... Посидели от силы минут пять, оставили собранные в складчину деньги и ушли, подавленные, обескураженные, с чувством иррациональной вины перед Антоном.

Что изменилось за прошедшие годы?

Извалов прикурил папиросу и посмотрел на Сергея.

– Приподнялся? – Тихо спросил он, без тени упрека, зависти или злобы, – просто констатировал факт.

Давыдов лишь криво усмехнулся в

ОТВЕТ.

...

*Апрель 1997 года.
Санкт-Петербург...*

Он хорошо помнил тот теплый апрельский день, когда сошел на перрон Балтийского вокзала.

Казалось – впереди вся жизнь, а призрак смерти, неотступно следовавший по пятам на протяжении многих месяцев, наконец, сгинул, истаял в прозрачном, звонком весеннем воздухе...

Все казалось Сергею обновленным, радостным, хотя мало что изменилось вокруг: все так же высилась в торце вокзала статуя Ленина, провожая взмахом чугунной руки, отъезжающие с привокзальной площади крытые грузовики с новобранцами весеннего призыва; на газонах, среди тропинок и вездесущего, оттаявшего из-под снега

мусора, робко пробивалась трава, даже коммерческие ларьки остались на своих местах, ничуть не изменившись ни внешним видом, ни ассортиментом товаров, разве что цены ощутимо подросли...

Тем утром действительно грезилось, что начался отсчет новой жизни. Мысли шагающего по перрону «дембиля» были просты и бесхитростны, – он прошел через ад, выбрался из него живым, и что, спрашивается, может ожидать его в родном мирном городе, кроме сокровенного покоя и счастья, о которых он мечтал, вжимаясь в липкую грязь под остервенелым автоматным огнем на улицах Грозного?...

...Ему потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы полностью избавиться от эйфории.

Дома все обстояло намного хуже,

чем рисовало воображение. Отец и мать не работали, — завод, на котором трудились родители, окончательно обанкротился, и теперь они оказались безработными, влача жалкое существование за чертой бедности. Такая судьба постигла многие семьи, но Сергей, глядя на внезапно постаревшего отца, который уходил из дома рано утром, чтобы вернуться глубокой ночью пьяным до беспамятства, на мать тихо вздыхающую, и украдкой смахивающую слезы бессилия, воспринял происходящее как личную трагедию.

Все вокруг казалось неправильным, извращенным, словно он вернулся в совершенно иной мир. Жизненные обстоятельства шли в разрез с прежним воспитанием, маленьким опытом, который он успел накопить в душе до

призыва в армию.

Первое правило, усвоенное Сергеем уже на войне, гласило: «нет безвыходных ситуаций, – есть люди не способные решать проблемы». Этот постулат, вскользь оброненный незнакомым спецназовцем в момент затишья между боями, помог ему выдержать быструю и болезненную ломку мироощущения, не позволив разуму втянуться в серый водоворот безысходных будней.

Спустя двое суток, не выдержав царящей дома обстановки, он сходил в военкомат, вернул себе паспорт, и, взяв диплом, полученный по окончании института, пошел устраиваться на работу.

Некоторые иллюзии еще не покинули рассудок. Он верил, что его профессия, избранная в далеком девяносто первом году и казавшаяся в

ту пору не просто трудной, а почти что фантастической, теперь обязательно будет востребована и с легкостью даст ему желанный пропуск в новую жизнь, робкие, непонятные ростки которой пробивались повсюду, куда ни глянь.

И все же привычные доармейские стереотипы подспудно давили на сознание, поэтому Сергей, не раздумывая, пошел в бюро по трудоустройству, которое теперь именовалось громким, явно заимствованным названием «биржа труда».

Терпеливо выстояв длинную очередь, он вошел в кабинет, где за столом сидела пожилая женщина, похожая на строгую учительницу, и молча выложил перед ней документы.

Та взяла их, бегло просмотрела и подняла на Давыдова усталый, затертый от приема множества

посетителей взгляд.

– Вы хотите найти работу по специальности, молодой человек?

Вопрос показался Сергею риторическим.

– Да.

– Хорошо... – Она протянула руку, взяла с полки несколько папок и стала пролистывать их, выписывая какие-то данные.

– Вот. – Она протянула Сергею небольшой список из пяти пунктов. – Это адреса фирм, где есть вакансии для людей со знанием компьютера. Попробуйте обратиться к ним напрямую. Но должна вас предупредить – не особо полагайтесь на свой диплом. Вы учились работать с вычислительными машинами советского производства, если не ошибаюсь, – она вновь взглянула на диплом, – с промышленными

системами ЧПУ,⁴ а они радикально отличаются от персональных компьютеров, что поставляют нам с Запада в последние годы. Если по списку не найдется ничего подходящего, – приходите снова.

– Зачем? – Недоуменно спросил Сергей.

– Я поставлю вас на учет как безработного, для получения пособия. Может быть, мы сможем подобрать вам место дворника или сантехника.

– Нет, спасибо. – Сергей встал, забирая документы. – Я инженер-программист. Думаю, меня возьмут на работу.

...

На работу его не приняли.

Сергей побывал в пяти местах, и везде он натыкался на одну и ту же непреодолимую преграду:

⁴ ЧПУ – Числовое Программное Управление.

электронно-вычислительные машины, установленные в офисах различных частных фирм, действительно радикально отличались от тех, работать с которым умел Давыдов.

Он ничего не понимал. Прошло всего лишь два года со дня получения диплома, а его знания, глубокие и прогрессивные на момент выпуска, оказались безнадежно устаревшими, никому не нужными.

Этому могли найти объяснение люди постарше, те, кто пристально наблюдал за окончательным падением «железного занавеса» и вел анализ хлынувшего на Российский рынок потока компьютерных систем, но для Сергея, который не имел никакого представления об эмпирическом законе господина Мура, все происходящее казалось тяжким сном.

Ему бы не спешить, разобраться в

СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ, ОСОЗНАТЬ, ЧТО ИНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ, КАК И ЧУЖДЫЕ СЕРВИСНЫЕ ОБОЛОЧКИ, ЕЩЕ НЕ ОТМЕНЯЮТ НИ ЛОГИКИ АЛГЕБРЫ, НИ ПРИНЦИПОВ ПРОГРАММИРОВАНИЯ, НО РЕАЛЬНЫЕ НЕУДАЧИ ВОЗДЕЙСТВОВАЛИ НА НЕГО САМЫМ УДРУЧАЮЩИМ ОБРАЗОМ. ЭТО БЫЛ ШОК, С КОТОРЫМ НЕ СМОГЛО МГНОВЕННО СПРАВИТЬСЯ ЕГО СОЗНАНИЕ. В ГОЛОВЕ ЗАСЕЛИ, ПРОКРУЧИВАЯСЬ ДО ТОШНОТВОРНОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ ФРАЗЫ ТОЙ ЖЕНЩИНЫ, С БИРЖИ ТРУДА: «МЫ ПОПРОБУЕМ ПОДОБРАТЬ ВАМ МЕСТО ДВОРНИКА ИЛИ САНТЕХНИКА»...

...Вконец измученный дневными похождениями, голодный, уставший, он забрел на пустырь промышленной зоны, в районе станции метро «Обухово». Последняя фирма, которую он посетил, располагалась как раз неподалеку, и Сергей, пройдя метров триста по направлению станции метро,

просто присел на вросшую в землю железобетонную плиту.

Достав помятую пачку сигарет, он прикурил.

В душе медленно вскипала неосознанная злоба, будто время внезапно открутилось вспять, и он находился не дома, а там, на чужбине...

Или это родной город успел до неузнаваемости измениться за два прошедших года? Он не мог понять, куда подевалось государство, почему вокруг царит хаос, где каждый сам за себя, всякий выживает, как может, заботясь лишь о собственном существовании?...

Позже весь период девяностых годов по справедливости назовут «перестроечным лихолетьем», но для двадцатитрехлетнего парня, который, окончив институт, сразу же ушел в армию, а затем попал в горнило

необъявленной войны, все происходящее вокруг казалось диким, не укладывающимся в рамки рассудка.

Воздушные замки если они и были, рушились, а что оставалось взамен им?

По большому счету еще не произошло ничего непоправимого, но рассудок, истерзанный войной, уже неадекватно реагировал на царящую дома гнетущую обстановку, и болезненные неудачи прожитого дня...

...Начинало вечереть. Прозрачные весенние сумерки неохотно опускались на землю, голод уже притупился, сигаретный дым казался горьким, в душе было пусто и муторно...

Завтра... Завтра начну искать снова. — Подумал Сергей, делая глубокую затяжку.

Последняя попытка найти работу завела его вглубь промышленной зоны, расположенной на окраине города.

Неподалеку вздымались конические трубы южной ТЭЦ, за пустырем темнели цеха асфальтового завода, к которому примыкал периметр расположенного прямо в черте города исправительно-трудового учреждения общего режима... Если смотреть вправо, то за пустыми коробками какого-то долгостроя можно было разглядеть первые огни в окнах высотных домов спального микрорайона. Все это смешивалось, порождая ощущение сюрреалистического контраста. Сергей смотрел на стремительно погружающийся в сумерки город, не осознавал, что прячет сигарету в ладони, чтобы со стороны не было видно ее огонька.

Задумавшись, он не слышал тихого, вкрадчивого шепота двигателей трех иномарок, которые с разных сторон

въехали на пространство пустыря с намеренно погашенными фарами.

Давыдов очнулся лишь в тот момент, когда рядом, буквально метрах в десяти от него приглушенно хлопнула дверка машины, затем похожий звук повторился еще несколько раз и вдруг...

Он услышал голос:

– Дэнъги привез?

Слух резануло кавказским акцентом, словно ножом.

Мышцы мгновенно окаменели, по телу вкрадчивой дрожью прокатилось задремавшее до поры безумие...

Как будто долгий полный безвыходных мытарств день подспудно готовил его психику к мгновенному срыву...

Мышечный спазм прошел так же быстро, как и возник, а тело уже жило своей, неподконтрольной разуму

жизнью, – он машинально и беззвучно сполз с наклонной бетонной плиты, присел на корточки и...

Рука ощущала сосущую пустоту там, где привыкла осязать успокаивающий вес автомата. Дома... Я дома... В Питере...

Бесполезно.

Он едва ли слышал, что пробормотал в ответ на заданный вопрос невидимый ему участник встречи, как слух опять резанул этот голос:

– Зачем тогда позвонил? Чего лопочэш, свинья? – Эти слова сопровождал глухой удар, болезненный вскрик и характерный щелчок взводимого пистолетного затвора.

– Эй, погоди, Исмаил, это я звонил тебе на трубу! – Раздался еще один голос.

– Меня подставить хотели? МЭНЯ?

– Да подожди, урод! С тобой

говорить по-человечески можно или нет?

– Нэт! Я говорю, – нэси дэньги, – значит нэси, или я буду на куски рэзать. Как вы своих свинэй рэжэтэ!..

– Ты, что обурел? Это ты мне говоришь?

– Тэбэ!..

– Я стрелу забил, чтобы договориться по-хорошему. Ты видно этого не понял. Твои проблемы, Исмаил.

В ответ раздалось лишь яростное, нечленораздельное мычание, затем оглушительно хлопнул одиночный выстрел из пистолета, вслед которому раздался истошный крик...

...Сергей не владел собой уже секунд тридцать.

За это время он успел обогнуть бетонную плиту, и появился на мизансцене событий в тот миг, когда

сгущающиеся сумерки резанула короткая автоматная очередь.

В голове помутилось. Он не мог до конца поверить, что слышит и видит происходящее. Сознание протестовало, пытаюсь заорать: это не Кавказ!..

Да это был не Кавказ. Это Питер, его родной город, практически – сердце России, но и тут слышен ненавистный акцент, а тьму рвут вспышки выстрелов. Значит, – война добралась и сюда, а быть может пришла отсюда, Сергею в тот миг было не рассуждений...

Прошло слишком мало времени с того момента, как он в последний раз нажимал на курок, удерживая в прицеле человеческую фигуру. Его рассудок и душа все еще пребывали там, в страшных кровавых буднях, поэтому он не задумывался над собственными действиями, совершая

их скорее машинально, чем осознано.

Короткий прут ржавой арматуры, подобранный с земли, успокоил ладонь, пальцы до боли впились в холодный шершавый металл, впитывая его вес, он присел, ощущая как струиться по жилам кровь, и когда в метре от него из сгущающихся сумерек вынырнула фигура с АКСУ, Давыдов ударил, распластавшись в коротком стремительном рывке.

Ржавая сталь с хрустом пробила горло, выдавив булькающий сипящий вздох, а он уже вырвал оружие из обмякших рук, но тела не отпустил, крутанул его, прикрываясь агонизирующим чеченцем, будто щитом, и мгновенно сориентировавшись на небольшом пятачке, ограниченном бамперами трех иномарок, дал две короткие, прицельные очереди – одну в Исмаила,

пытавшегося сесть в машину, а вторую в его подручного, который держал на прицеле четверых, застывших как вкопанные, молодых парней.

Когда отгремел последний выстрел, вокруг воцарилась оглушительная ненатуральная тишина, будто весь мир вдруг накрыло темным безмолвным саваном вечного покоя, но длилось это совсем недолго, – со стороны расположенной неподалеку «зоны» донесся надсадный звук ревуна, которому вдруг начал вторить назойливый ритмичный вой сработавшей тревожной сигнализации периметра.

«Ночь-12»⁵ завывала на всю округу, и Сергей непривычный к подобным проявлениям активности, на миг

⁵ «Ночь-12» – система тревожной сигнализации, применяющаяся для охраны периметра исправительно-трудовых учреждений.

растерялся, оттолкнув от себя мертвое переставшее дергаться тело.

– Блин... Исмаила уложил... Твою мать, нам же теперь все, задница!..

Давыдов обернулся на голос.

В метре от него стоял рослый парень. Одет он был как-то странно, будто в театр собрался, или на похороны – все строгое, черное, деловое, только золотая цепь в пол пальца толщиной тускло отблескивает на шее...

– Это они пусть задницы готовят. – Хрипло обронил Сергей, не опуская автомата.

– Откуда ты взялся, на мою голову, стрелок?

– Сидел я тут... курил.

Тот хотел сказать что-то резкое, но взглянув в лицо Давыдова, вдруг осекся.

– Ты что, братан... из Чечни?

– Три дня как вернулся. – Ответил

Сергей, ощущая, как вместо возбуждения вдруг накатила свинцовая усталость.

– Ладно. Уходим отсюда. Рядом зона, слышишь, сигнализация воет? Сейчас они ВРП⁶ расставлять начнут, тогда хрен вырвешься, это не менты, а срочники, им все по барабану... Давай в машину, стрелок, там разберемся... Может ты и хорошее дело сделал, но вот отвечать за него придется...

...

Ответили.

После этого Серж и получил свою кличку – Смерть, но вырваться по факту «отдачи долгов» уже не смог, да и не хотел в тот момент... разум надолго застило кровью, ощущения были уже не те, все выглядело жестче, страшнее, чем там, потому что

⁶ ВРП – Временный Розыскной Пост. Обычно выставляется на дорогах при возникновении чрезвычайных ситуаций.

происходило это дома, на тех самых Питерских окраинах, где он рос, бегал еще мальчишкой...

– Приподнялся, говоришь? – глухо переспросил Сергей.

Он сидел, широко расставив ноги, его взгляд застыл, сфокусировавшись в одной точке на засиженной мухами стене.

– Одет ты хорошо... Не обижайся.

Давыдов криво усмехнулся.

– Лучше скажи, как сам? – Задал он встречный вопрос.

– Нормально. На инвалидности. Пенсию получаю.

Сергей машинально взглянул на укороченные при помощи ножовки поцарапанные костыли, потертые наколенники из ободравшегося кожзаменителя и покачал головой.

– Не надо грузить Антон. Мы же не

чужие...

Извалов не меняя позы, дотянулся до полупустой пачки папирос и внезапно произнес, прикуривая:

– Знаешь, что сказала мне врачиха из ВТЭК? – Он чиркнул зажигалкой и голубой, трепещущий огонек на миг высветил страшную худобу его лица.

– Ну? – Машинально напрягся Сергей.

– Говорит – осторожнее надо быть на войне...

Давыдов лишь скрипнул зубами от бессильной злобы. Он многое мог сделать в этой жизни, но некоторые вещи до сих пор оставались неподвластны и непонятны ему. Например, – человеческое равнодушие, порой граничащее с откровенным, абсолютно необоснованным цинизмом.

– А где мать? – После непродолжительной, но тягостной

паузы спросил он.

— Этажом выше. Живет там с одним мужиком, спиваются понемногу. —

Спокойно, без эмоций ответил Антон.

Это было невыносимо. Неправильно.